

Нати́г РАСУЛЗАДЕ
Народный писатель

(Продолжение. Начало в №№ 2,3)

Робкий тон, взятый в начале разговора писателем, постепенно, по мере того, как задиристый тон гостя все больше смягчался, становился все более уверенным, окрепшим, испуг от внезапного непонятого появления нежданного гостя прошел сразу, и теперь хозяин дома вел себя напористо, не давая вмешиваться ожившему, неизвестно как появившемуся здесь своему герою, в процесс творчества, который и ему самому не очень-то был понятен.

- Выходит, ты пишешь о прошлом? - спросил гость. - О том, что ты видел, хорошо знаешь...

- Да. О том, что было, через что мы все прошли. И я в том числе...

- А о будущем не пробовал писать? - с явно слышимой издевкой в голосе спросил парень.

- Пробовал, - просто ответил писатель.

- Пиши о настоящем, - посоветовал гость с видом знатока.

- Да, легко сказать, - проговорил писатель. - Это самое сложное, что может быть в писательской профессии - ухватить текущую жизнь за хвост, запечатлеть, моментально раскрыть, пригвоздить... С ума сойдешь, как трудно... - и поднялся с кресла. - Пойдем, я покажу тебе город...

- Чего я там не видел, - заносчиво ответил гость, но голос его выдавал плохо скрываемую боязнь перед неизвестным. - Не надо мне... Я возвращаюсь к себе... а ты... ты смотри не напорячь чего в моей жизни...

- А разве плохо начиналось? Цыганка, эпизод из детства, что - можно сказать - перевернул психику мальчика, а следом еще один эпизод уже из жизни лодого человека, еще один поворот и... Женишься - будешь счастлив, не то что я, наберешься ума, не до старости же тебе вести такую распутную, такую опасную жизнь. Двадцать два - хороший возраст, чтобы начать быть счастливым, забыв свое тяжелое прошлое... Да! Решено! - вскричал Мириев, радуясь счастливой мысли озарившей его, - ты женишься! Обязательно женишься!..

- Вот этого не надо! - горячо возразил молодой человек, - не надо планировать мою жизнь, я сам как-нибудь разберусь, век свободы не выдать... Ишь, как он распорядится чужой жизнью! Надо же...

- И что? И дальше будешь вести существование изгоя, спать по кочегаркам, по воровским малинам, грабить квартиры, убивать подельников, а, Насиб...

- Это вышло случайно, - неохотно проговорил Насиб. - Я не хотел, ты же знаешь...

- Пошел вон, - произнес негромко, стараясь придать внушительность своему голосу и отворачиваясь от гостя, Мириев. - Мне работать надо...

- Но помни, - произнес угрожающе гость, - я не оставлю тебя в покое, так что будь осторожен с тем, что пишешь.

И Мириев увидел на темном экране монитора, как фигура пришельца отдалается, отдалается и растворяется в темном проеме двери.

Ночью Мириев никак не мог заснуть, встал под утро, выпил сорок капель корвалола, чтобы хоть остаток ночи поспать, но так и не уснул: все стояла перед глазами угрожающе подняв руку с ножом-финкой фигура неизвестно откуда явившегося молодого бандита... Но он не мог поверить, что сам создал его, что это плод его фантазии, плод его творчества, материализовавшись, явился непрощеным гостем, предъявляя своему создателю претензии; нет, этого не могло быть, просто кто-то вошел с улицы, благо - это не так было трудно сделать, кварти-

ры не поленился, сбегал в ларек под издательским домом и принес бутылку пива, полагая, что товарищ по работе должен опохмелиться, и тут как раз Мириева вызвал директор.

Только глянув на опухшее от бессонницы лицо и мутные глаза Мириева, пронизательный и гордившийся своей пронизательностью директор назидательно изрек:

- Что ж, теперь я понимаю, как вы могли пропустить в корректуре такие серьезные ошибки.

- Какие серьезные ошибки? - тихо, с виноватым видом спросил Мириев.

Виноватый вид подчиненного понравился директору, потому что это позволяло ему теперь с полным на то основанием поучать и измываться, и он еще раз изрек:

- Это немыслимо, безобразно, вы в слове "за-страхуй" каждый раз последний слог переносите на следующую строчку! Вы это нарочно?

- И что тут такого ужасного? - спросил осмелев Мириев, - Кому вообще нужна эта бумажная волокита, эта корректура, когда все на компьютере?..

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ ПИСАТЕЛЯ МИРИЕВА

ра на первом этаже, дверь он часто забывает запереть на ночь, и каждый мог бы войти... но как же быть со всем остальным, с тем что вошедший не просто прохожий с улицы, желавший чем-то поживиться у простофили хозяина с распахнутой навстречу всем неприятностям мира дверь? Как быть с тем, что поздний гость был в курсе книги, которую он, Мириев пишет, был в курсе до мелочей?.. Или это была галлюцинация?..

Голова раскалывалась от вопросов, что он задавал себе, от докучливых, теперь уже бесполезных мыслей - случилось то что случилось и незачем было докапываться, как и почему и отчего... Но поспать так и не удалось. Утром, принимая душ, он заметил на плече у себя яркие синяки от пальцев ночного гостя. "Вот тебе и галлюцинация", - подумал он, поспешно одеваясь.

Мириев полусонный, беспокоясь, что его опухшую физиономию на работе могут отнести на счет последствий ночной гулянки, полпелся на службу в издательство, где как умел работал.

Так и случилось: многим сослуживцам в тот день он дал повод для изрядно потренированных шуток, а один клоун даже

- Мне нужна, мне! - прогремел директор. - Чтобы быть уверенным, что подобное безобразие не перекоцует в книгу на радость нашим конкурентам. Скоро открывается международная выставка-ярмарка, в которой мы тоже будем представлять наше издательство. Вы хотите, чтобы кто-то из читателей обнаружил подобные, я бы сказал - похабные ошибки в наших книгах. Идите и намотайте на ус, что я вам сказал.

Мириев вышел из кабинета главного в еще более подавленном настроении чем когда входил. К тому же болела голова после бессонной ночи. Он еле дошел до конца рабочего дня и полпелся домой, где приготовил себе яичницу из двух яиц и без аппетита съел ее, хотя с самого утра и маковой росинки не было во рту.

Вечером он сел писать, потому что со вчерашнего дня остановился как опытный писатель именно на таком эпизоде, с которого интересно было продолжить книгу, но, почувствовав утомление и испытав раздражение от разговора с директором, что вспомнилось именно сейчас, мешая работе, он выключил компьютер и улегся спать, рассчитывая,

что чрезмерная усталость поможет ему компенсировать прошлую ночь и он хорошо выспится на этот раз.

Он и правда, как только голова коснулась подушки, провалился в глубокий, как пропасть, сон и часа два спал как убитый, но потом ему стало снится что-то смутное, тревожное, он переворачивался с боку на бок, чтобы отогнать ужасное наваждение, но не помогало, ужасное продолжало сниться: вот он идет ночью по знакомой улице совершенно пустой, совершенно знакомой, совершенно темной, как вдруг дорогу ему преграждает, неизвестно откуда взявшись Насиб, герой его новой книги и, угрожая ножом, гонится за Мириевым по улице, наступая и словно бы нарочно отставая, будто садистски продлевая удовольствие, наслаждаясь страхом задыхающегося от непривычно быстрого бега и ужаса Мириева, который явственно слышит стук своего сердца, что вот-вот выскочит из горла.

И эту ночь Мириев почти не спал, невольно подтверждая догадки догадливого и пронизательного начальства о своей бесшабашной ночной жизни.

Вечером должна была прийти любовница Мириева, Нармина, она приходила по средам, так как в салоне красоты, где она работала, день отдыха у нее был четверг, и в четверг она могла спать до полудня - естественно у Мириева - отсыпаясь за все напряженные трудовые дни, в остальные дни недели они даже можно сказать не перезванивались: почти не было повода, а у нее не было к тому же и свободного времени, чтобы болтать с ним. А сегодня была как раз среда. Но Мириев очень устал после почти двух бессонных ночей, и все думал - может, позвонить и отменить свидание, но думал долго, смутно опасаясь чего-то, о чем не хотелось конкретно напоминать себе, еще не будучи гвердо уверен: галлюцинация или напротив - твердая непостижимая реальность постигла его, опасаясь, что это, чем бы то ни было, может повториться, если он останется один. И пока он думал, обдумывал, размышлял как поступить, она пришла, и теперь о том, чтобы отменить, уже не могло быть и речи - закроет.

Она была пышка, аппетитная, сексуальная, белотелая пышка с... вот мордашечку сменить пожалуй было бы неплохо, но... Но для одинокого Мириева и это было вполне приемлемо. Проснувшись в четверг поздно утром, она, естественно, не застав его дома, потому что он бывал в это время на работе и не мог быть сразу в двух местах, она на телефон наговаривала ему свое накопившееся за неделю ворчанье, шебуршала, зудела, чтобы женился, что "посмотри на себя, кому ты нужен в твои шестьдесят лет..."

Тут, слушая традиционное ворчанье любимой, Мириев мысленно поправлял ее - пятьдесят восемь...

...еще годик-два и на тебя смотреть никто не захочет, а как постареешь, стакан воды некому будет..."

Ну и так далее. Мириев вынужден был выслушивать все это ворчанье на своем Whatsapp, чтобы она знала: послушано.

(Окончание следует)